

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

ПОЯВЛЕНИЕ ГРЕКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

А.В. Кокаева

Отдел Кавказа

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Ленинский проспект, 32а, Москва, Россия, 119991

В статье исследуется история формирования греческой диаспоры Северного Кавказа, в ходе которого хронологически можно выделить четыре переселенческие волны. Несмотря на сложности, с которыми греки столкнулись в процессе переселения на Северный Кавказ и адаптации на новом месте, они смогли образовать заметный очаг культуры в этом регионе.

Ключевые слова: греки, переселение греков, диаспора, Турция, Северный Кавказ.

Греки, расселенные ныне на Северном Кавказе, являются в большинстве своем потомками мигрантов, в разное время покидавших турецкие и иранские пределы. Их далекие предки — ионийцы, населявшие во II—I тысячелетиях до н. э. средиземноморское побережье Малой Азии и колонизовавшие побережья Черного и Мраморных морей, а также Северное Причерноморье (1).

Греки, проживающие на территории Северного Кавказа и Закавказья, входят в единую этническую группу (2). Внутри нее можно различать несколько локальных групп, каждая из которых обладает определенным, только ей свойственным комплексом культурных особенностей. Эти особенности связаны преимущественно с теми хозяйственными и культурными навыками, бытовыми привычками, которые складывались веками в местах их прошлого расселения, откуда их предки в разное время прибыли в пределы России.

Говорят они на черноморском («понтийском») наречии, называют себя **понти**, язык — **понтиака** (в русском варианте **понтийцы**, язык **понтийский**). Их самоидентификация значительно более выражена в сравнении с другими этническими группами греков России и сопредельных государств, так как культура окружающих их народов достаточно резко отличается от их собственной (3).

Формирование греческой диаспоры Северного Кавказа, как и Закавказья, относится к периоду конца XVIII — начала XX в. С обострением религиозного и национального давления османского правительства на понтийских греков и уве-

личением влияния в Понтийско-Кавказском регионе России в конце XVIII в. начинается процесс переселения понтийских греков в пределы Российской империи, в котором хронологически можно выделить четыре основные переселенческие волны.

Первая волна греческой эмиграции в Россию была вызвана русско-турецкой войной 1768—1774 гг. При заключении Кючук-Кайнарджийского мира впервые была оговорена возможность свободного переселения турецких христиан в пределы Российского государства. С подписанием Кючук-Кайнарджийского договора христианские народы Турции получили в лице России мощного покровителя, с которым турецкие власти вынуждены были считаться.

В связи с ростом военного могущества Османской империи и централизации ее административного аппарата ислам постепенно приобретает все большее значение в поддержании единства империи и господства правящей династии (4). Законы шариата стали диктовать нормы морали и внутренней политики. Имея безраздельную власть, новая религия создает и новые условия для поработанных народов. Лишенные политических прав иноверцы попадали в разряд неполноценных граждан. Христиане подвергались жесточайшей эксплуатации. До 1839 г. в Турции для иноверцев существовало 80 различных видов налогов и 97 различного рода повинностей. Процветавшее взяточничество и вымогательство, взимание незаконных поборов с особой тяжестью ложились на иноверцев. Существовал уничижительный налог кровью, когда для пополнения рядов янычар турецкими властями отбирались наиболее здоровые греческие дети мужского пола с последующим обращением в ислам. Христиане вынуждены были носить одежду, отличную от одежды мусульман, и даже красить дома в другой цвет (5).

Такое бесправное положение христианских подданных Турции стало одной из причин формирования **второй переселенческой волны** греков-мигрантов. Она начинается в первой половине XIX в. после присоединения Грузии и Восточной Армении, а также по окончании русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Именно в период второго переселенческого этапа была образована греческая община города Владикавказа.

В связи с присоединением восточных районов Северного Кавказа к России Императорский манифест провозглашал коренных жителей тех мест равными в правах с «природными подданными», обещал «природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно...» Взамен от новых граждан требовалось принять мир, обещанный монаршей милостью, и быть верными подданными (6).

Для придания определенного порядка хлынувшему потоку христиан, в особенности армян и греков, из Османской империи в Закавказье царское правительство предприняло некоторые меры к организации переселения.

В 1810 г. в Тифлисе был создан «Комитет по переселению христиан из Турции на Кавказ». Вскоре, с 1813 г. и позже, в 1820-х гг., потянулись переселенцы, оседая в центральных районах Грузии — в Цинцаро, Манглиси, Тетри-Царо, в окрестностях Дманиси. После заключения в 1828 г. Туркманчайского договора,

согласно которому к России от Персии отходили земли Эриванского и Нахичеванского ханств, туда переселились греки и другие христиане, которым российское правительство оказывало поддержку деньгами и освобождением от податей и повинностей (7).

Третий этап переселения греков Турции в пределы Российской империи, непосредственно на Северный Кавказ, начинается в 1862 г. на основании закона о переселении турецких христиан в Российскую империю. Российские власти, стремясь поскорее освоить регион Северного Кавказа, не преминули воспользоваться и привлечением в свои пределы христианского населения Турции.

После окончания Кавказской войны возникает мухаджирство — переселенческое движение значительной части кавказских народов в Османскую империю, в результате были освобождены большие пространства на территории Северного Кавказа (8). Царское правительство предприняло шаги к заселению горских земель. Переселение греков велось на основании правил, исходящих из закона от 10 мая 1862 г. «Положение о заселении предгорной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими выходцами из России» (9). Несмотря на то что заселение должно было происходить только за счет русского населения, тем не менее российское правительство по тем же положениям производило прием и обустройство переселенцев-христиан из-за рубежа, среди которых было немало греков из Османской империи. Они наделялись теми же правами и привилегиями, что и переселенцы из внутренних губерний России. Греков-мигрантов стали направлять на Северный Кавказ, началось заселение Прикубанья, Ставрополя. К этому этапу переселения греков на Кавказ относится образование греческой диаспоры Карачаево-Черкессии.

Переселение приобретает характер массового исхода в 1877—1884 гг. после русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: до 17 тыс. понтийских греков переселяются в Терскую область, Ставропольскую губернию, Грузию (районы Батуми и Сухуми), Азербайджан (Баку), мигранты заселили 72 села в Карской области (10).

Четвертая переселенческая волна была вызвана массовым преследованием турецких властей в 1915 г. христиан, армян по преимуществу, а вместе с ними греков, айсоров и др. В 1916—1921 гг. беженцы из Понта, а с 1919 г. из Карской области, оккупированной турецкими войсками, селятся в Закавказье (Аджария, Абхазия) и на Северном Кавказе.

После Лозаннской конференции 1923 г. в соответствии с международным соглашением между Россией, Турцией и Грецией осуществились массовые переселения национальных меньшинств. Часть греков, депортированных из Малой Азии, пополнили греческую диаспору Северного Кавказа.

Причины многочисленных миграций греков-понтийцев сложны. Имело место переплетение экономических и политических обстоятельств. Желание христианских подданных Османской империи перебраться в Россию сочеталось с политической российской властью, стремившегося заселить и экономически освоить вновь присоединяемые к империи земли. Главный результат этих переселенческих движений — прерывание нормального поступательного процесса развития

этнической культуры: стоило грекам, как и другим нетурецким подданным Османской империи, как-то обосноваться на новых местах расселения, как разражались события, выталкивавшие их в новые миграционные потоки (11). Несмотря на все сложности, с которыми греки столкнулись в процессе переселения на Северный Кавказ и адаптации на новом месте, они смогли влиться в хозяйственную и общественную жизнь, образовав заметный очаг культуры греков-понтийцев на Северном Кавказе. Была создана сеть греческих школ. В Краснодаре в станице Крамской (ныне г. Крымск) открылись педагогические техникумы, готовившие учителей для греческих школ всего Северного Кавказа. Издавались учебники и литература на родном языке для греческого населения Северного Кавказа.

В составе Северокавказского края был организован греческий национальный район с центром в станице Крымской. В 1932 г. центр Греческого района был переведен в станицу Нижне-Баканскую. Греческий район в Краснодарском крае был единственным на территории Советского Союза, имевший статус республиканского значения. Греческий автономный район просуществовал 9 лет.

6 марта 1939 г. решением бюро Краснодарского крайкома ВКП(б) Греческий район был переименован в Крымский.

Но в 1938 г. по развитию культуры понтийских греков был нанесен удар. С 15 декабря 1937 г. — дата начала «Греческой операции НКВД» — начались репрессии в отношении греков, носящие адресно-массовый характер. Греческие школы были переведены на русский язык обучения, греческие педтехникумы — закрыты, прекратилось издание литературы на греческом языке. Это привело к практическому уничтожению национально-культурных институтов — греческих школ, театров, издательств.

Репрессии 30—50 гг., приобретающие форму раскулачивания и ссылок греческих семей в отдаленные и малообжитые северные районы и Сибири, расстрелов без суда и следствия, заключений в тюрьмы и лагеря, массовых депортаций в Казахстан и Среднюю Азию, даже по прошествии многих десятилетий после их окончания продолжают восприниматься греками бывшего СССР как глубокая моральная травма (12). Часть переселившихся из Турции греков сохраняла турецкое подданство, и им было предложено принять советское гражданство или покинуть СССР. Многие греки покинули Северный Кавказ и переселились в Грецию, преимущественно в северные табаководческие районы.

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ—АЛАНИЯ

В начале XIX в. многочисленные группы мастеровых греков из различных мест Трапезундского пашалыка прибывали в Грузию в поисках работы, а некоторые за выбором места постоянного жительства. Эти группы представляли собой объединение мастеров и ремесленников разного профиля.

Одна из таких групп во главе со Спиридоном Чекаловым устроилась на работу по строительству Военно-Грузинской дороги. По ходу ее сооружения группа мастеров прибыла в крепость Владикавказ. Все они были выходцы из Гюмюшхана и оказались первыми из греков в крепости Владикавказ, которые положили основу образования греческой общины в данном регионе.

По договоренности с местными властями группа мастеров во главе с Чкаловым, обладавшим решительным и предприимчивым характером, строила различные сооружения в крепости Владикавказ, в том числе и мост через Терек. Здесь Чкалов узнал о Садонском серебряно-свинцовом месторождении и попросил у местных властей разрешения на его разработку собственными средствами. Получив формальное согласие, Чкалов пригласил в 1839 г. из г. Гюмушхана 31 мастера по горному делу и металлургии. Гюмушхана находилась в 75 км южнее г. Траpezунда, славился богатыми серебряными рудниками, на которых работали исключительно греки (13). Греки еще со времен Комнинов в период Траpezундской империи были знакомы с горнорудным делом, тогда как турецкое население не имело об этом ни малейшего представления. Работа на рудниках давала греческому населению определенные привилегии и льготы, что в условиях Османской империи позволяло выжить, сохранить веру и язык (14).

С завершением строительства моста в начале 1840 г. Чкалов приступил к разработке в Нижнем Садоне месторождения. Здесь воздвигались различные строения, были сооружены плавильные печи и другие хозяйственные объекты.

Помимо горнорудного дела, греки издавна славилась как лучшие мастера — строители и каменотесы. По сути дела, они стали монополистами в строительстве различных объектов из камня. Они прибывали без имущества, за исключением домашней утвари, но обязательным было для всех мастеров иметь при себе инструменты по специальности. От этого зависел уровень оплаты труда.

Масштабы строительных работ, лояльность местного населения и властей усилили их желание надолго остаться в этом городе. Постепенно численность их нарастала, этому во многом способствовало сохранение связей с родственниками, сородичами в местах их прежнего обитания. Благодаря умению и высокому мастерству они смогли устроить свою жизнь. Многие из них построили свои дома. Некоторые их покупали или арендовали. Постепенно они укоренились и образовали ядро греческой общины, первой на Северном Кавказе (15).

Создатели или первопоселенцы греческой общины в г. Владикавказе были выходцами в первую очередь из Траpezундского пашалыка: г. Гюмушхана, г. Траpezунда, с. Харторс, с. Харшера, с. Котилия, с. Такфчуки, с. Холек, с. Имера, с. Хакакса, с. Базба, с. Верену, с. Санта, с. Пария, с. Чатах, с. Тамерчуки, с. Каятера, с. Мандрия, с. Шуша и др. Через некоторое время к ним присоединились несколько семейств из Афин, Салоник, Корица (Албания), из Сербии. В последующем к ним стали присоединяться греки из других территорий Кавказа и Закавказья: Тифлиса, Алаверды, Эриванской губернии, Ахалцихе, Кутаиси, Цалки, Батуми, Ставрополя, Ростова-на-Дону и других мест (16).

В свою очередь, греки Владикавказа стали выезжать на строительные работы по найму в соседние регионы: крепость Грозный, Пятигорск, Ставрополь, на Кубань и т.д., многие со временем переселялись в эти места. Общество греков Владикавказа стало как бы центром и распределительным пунктом на пути миграционных потоков.

Греческое население не сразу стало принимать российское гражданство, оставаясь турецкоподданным. Это было вызвано нестабильной обстановкой на Кав-

казе. Однако в 70-х гг. XIX в., с окончанием Кавказской войны, улучшением социально-политической обстановки в регионе греки стали принимать российское подданство. К 1883 г. в Терской области проживало 130 греков (17). Надо полагать, что в основном они были жителями города Владикавказа. Об этом свидетельствует тот факт, что греки, уезжая в другие районы Терской области, по сложившейся среди греков традиции, прописывались в г. Владикавказе как его жители.

А в 90-е гг. XIX в. численность греческого населения г. Владикавказа заметно выросла, поэтому в 1894 г. была открыта греческая начальная школа. Первоначально она располагалась в ветхом деревянном домике для сторожей при Константино-Еленинской церкви, а потом перешла в полуторозетажное здание, построенное в 1895 г. при той же церкви по инициативе священника Василия Жукова. Первым директором школы был Ф.Х. Грамматикопуло, потомки его до сих пор проживают в г. Владикавказе. В 1901 г. купцом П.Э. Морандовым было построено новое здание школы. В настоящий момент в стенах этого сохранившегося здания расположено греческое общество «Прометей».

К моменту Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. греков во Владикавказе уже проживало 487 чел., из них 283 — мужчин, 204 — женщин (18). После оккупации в 1919 г. турецкими войсками Карской области во Владикавказ с небольшими интервалами прибывали одна за другой партии беженцев-греков. Двигаясь по маршруту Карс—Гумри—Ереван—Тифлис—Владикавказ, беженцы подвергались тяжелым испытаниям. Многие современные греки старшего поколения сохранили в памяти семейные трагедии, случившиеся на этом пути. Вот рассказ Хаджегириды Софокла Николаевича, 1908 г.р., ныне покойного, который В.В. Шахбазов приводит в своей книге:

«В г. Карсе сели на поезд, следовавший из Тифлиса. В пути тяжело заболела мать, мы не смогли оказать ей помощь из-за отсутствия врачей и медикаментов. Она умерла. Случившееся мы скрыли от начальства поезда, поскольку несколько раз в идентичных случаях высаживали с поезда все семейство прямо в пути. Поэтому мы это горе перенесли так, чтобы никто не заметил. На первой же остановке, на территории Грузии, не помню, где именно, покойницу вынесли из поезда и предали ее земле. Где ее похоронили, не знаю. Могила моей матери мне неизвестна» (19).

Некоторая часть новоприбывших устраивалась у своих родственников, близких и друзей, отдельные в качестве квартиросъемщиков. Основная масса, не имея возможности жить с удобствами на квартирах, поселилась на первых этажах апшеронских казарм со стороны ул. Триандофиллова, а также в одноэтажных казармах барачного типа, расположенных по ул. К. Маркса и в здании ГМТ (20). Точное число беженцев-греков, прибывших во Владикавказ, неизвестно. Однако предположительно можно назвать 2 тыс. чел., такую цифру указывает в своей работе В.В. Шахбазов, основываясь на воспоминаниях старожилов (21).

Не все греки, прибывшие во Владикавказ в этот период, остались в городе, для многих он стал лишь очередным транзитным пунктом. Неудовлетворительные бытовые условия, недоедание, отсутствие какой-либо работы, нестабильное положение в городе в связи с событиями гражданской войны вынуждали греков дви-

гаться дальше. Многие выбрали эмиграцию в Грецию. Это был первый массовый поток переселенцев из Владикавказа в Грецию. Определенная часть греков-беженцев переселилась в другие районы России, в основном в Краснодарский и Ставропольский края.

К 1937 г. во Владикавказе проживало уже 2026 греков (22). С этого года начались репрессии по отношению к грекам Владикавказа, которые эпизодически продолжались до конца 40-х гг. По архивным данным, жертвами беззакония этих лет стали 75 чел. греческой национальности. Как показали прошедшие десятилетия, репрессии по отношению к греческому населению носили надуманный характер. Правящие круги навесили незаконно арестованным грекам ярлык создателей и активных участников «контрреволюционной фашистской шпионской диверсионной организации» и умышленно приписали «антисоветскую подрывную деятельность». Теоретической подоплекой заговора было взято подданство людей. Многие греки на тот момент имели греческое подданство, на этом основании был сделан вывод о том, что они помогают Греции во вред СССР.

Голословные высказывания отдельных работников НКВД служили доказательством для привлечения безвинных граждан к уголовной ответственности и определения им меры наказания. Таким образом, арестованных греков Владикавказа приговорили: 18 человек к расстрелу, 17 человек — к пяти годам лишения свободы, 10 человек — к трем, 4 человека — к 10 годам, 1 человека — к 12 годам лишения свободы.

Все репрессированные греки на сегодняшний момент реабилитированы Президиумом Верховного Суда СОАССР. Постановление суда, отмечая вымышленность контрреволюционной греческой организации, указывает на грубые нарушения норм уголовного-процессуального кодекса работниками НКВД: несанкционированный арест осужденных, отсутствие дела, с которым осужденные не знакомились, неутвержденное обвинительное заключение (23).

Имена всех репрессированных греков в знак памяти и уважения были высечены на мемориальной доске у часовни во дворе общества «Прометей». В сердцах многих греков до сих пор хранятся воспоминания об этих трудных временах.

В апреле—мае 1942 г. во Владикавказ были депортированы несколько десятков греческих семей из населенных пунктов Краснодарского края: Анапы, Геленджика, Новороссийска, Кабардинки, Краснодара. Сюда же прибыло некоторое количество семей, депортированных в Казахстан и Узбекистан, так называемых социально опасных (24).

Попытки многих смельчаков вернуться из мест депортации в Средней Азии в свои старые места обитания сурово пресекались органами, поэтому они вынуждены были ехать в г. Владикавказ к своим землякам и родственникам. Местное население помогало новоприбывшим и относилось к грекам доброжелательно.

Для примера приведем рассказ моего информанта, семья которого была депортирована в 1942 г. из Новороссийска.

«В 1943 г. мы приехали в Алагир, затем во Владикавказ. Осетины приняли нас отлично, исключительно. Никогда ничего плохого не видел от осетин. Помню, мы снимали комнату у тети Дуси Уртаевой. Женщина она была с понятиями. Она очень

нам помогала, мы были без матери, отец умер в 1948 г. У нее в доме я и женился. Жена из Моздока. Они приехали из Геленджика в то же время» (25).

С середины 50-х гг. и до распада Советского Союза в высших и средне-специальных учебных заведениях Северной Осетии—Алании обучались сотни молодых греков. Основная масса этой молодежи были выходцами из отдельных районов Закавказья. Большая часть — жители Цалкского района Грузинской ССР. Немало было представителей из Тетрицкарройского, Дманисского, Болнисского районов названной республики. Были из городов Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Сухуми. Некоторые прибыли из Азербайджана и Армении (26). После обучения многие из них выбрали г. Владикавказ местом своего постоянного проживания, пополнив ряды интеллигенции Северной Осетии.

Таким образом, греки-понтийцы, прибыв на территорию Северной Осетии в начале XIX в., расселившись преимущественно во Владикавказе, постепенно смогли занять свою профессиональную нишу в городской жизни. Сферой их деятельности, в основном, были строительные работы различного характера. Греки Владикавказа оказались одними из первых, принявших участие в благоустройстве города. Они продемонстрировали свое мастерство в строительстве домов, соборов, церквей, в устройстве улиц, мостов, берегоукрепительных сооружений и множества других объектов.

26 марта 1862 г. турецкие подданные братья Федор и Ермолай Есифандовы заключили с городскими властями договор «по предмету заготовления ими для устройства в г. Владикавказе тротуаров на Александровском проспекте 6 тыс. каменных плит». Мастерами по укладке работали Христофор Константинов, Панас Николаев, Астафи Архивов, Павел Атанасов. В строительстве здания русского драматического театра им Е.Б. Вахтангова приняли участие Муратандов Харламбий, Моорухов Христофор и Лазарев Константин. Творцом и владельцем здания бывшей гостиницы «Интурист» являлся Марандов Панаэт Евстафьевич. Об этом свидетельствуют его инициалы, начертанные на фасаде здания. В 1913 г. во дворе этой гостиницы был построен сад-ресторан.

Украшением проспекта Мира является и другое здание, принадлежавшее Харлампию Муратандову, нынешний Дом офицеров. В 1897 г. городские власти выкупили у купца Муратандова это здание для размещения в нем городского клуба. В знак признательности они избрали Х. Муратандова пожизненным членом этого клуба. 28 мая 1876 г. городская Дума Владикавказа заключила контракт с Константином Панаиотиди на мощение улиц Владикавказа. Греческие мастера принимали участие в строительстве как первого водопровода в 1881 г., так и второго — в 1927-м. В частности, это был инженер Л. Эмфорфопуло, давший заключительный анализ по проекту городской водопроводной сети. Этот водопровод действует и по сей день. В конце февраля 1900 г. Владикавказская городская управа заключила договор с греческим концессионером Е.С. Скамаранги на постройку в городе Владикавказе электрического трамвая и освещения.

Мастерство греков проявилось и при строительстве дорог в Осетии. В 1894 г. греческие мастера проложили под руководством подрядчика Х. Муратандова до-

рогу шириной в 6 аршин по Геналдонскому ущелью до с. Горная Саниба. Греки Владикавказа занимались также и строительством железных дорог. Благодаря мастерству и исключительному трудолюбию греческие мастера оставили яркий след в истории строительства в Осетии.

Однако они занимались также торговой и предпринимательской деятельностью, имели свои магазины и лавки, пекарни, средние и мелкие предприятия. Естественно, различные сферы занятости привели к социальным расслоениям в греческом обществе. Появились купцы, интеллигенция, военные и т.д.

В середине XIX в. в Осетии повсеместно началось строительство православных храмов. И греки-понтийцы, будучи монополистами в строительной сфере, приняли огромное участие в воздвижении храмов и церквей Осетии. 8 ноября 1850 г. греческие мастера под руководством подрядчика Спиридона Чекалова приступили к строительству Вознесенской церкви в Алагире. Ее торжественное открытие с освещением состоялось 22 октября 1853 г. Сложена она из трахитового розовато-серого туфа. Церковь выстроена в византийском стиле, по проекту архитектора и художника князя Гагарина. Она представляет собой одноглавое сооружение кубической формы, строили ее как церковь и крепость, поэтому она имела не только культовое, но и военное значение. Рядом с ней была возведена каменная колокольня. Церковь действует и поныне (27).

Греческие мастера заложили фундамент при строительстве церкви Рождества Пресвятой Богородицы. В документе от 1861 г. отмечается, что греческие мастера построили церкви в некоторых населенных пунктах. Начальник Владикавказского округа в своем рапорте пишет начальнику штаба войск Терской области: «Подрядчиками по постройке церквей в Хидикусе и Санибе был грек Константин Иоров, в Дарг-Кохе и Хумалаге — грек Тахчеуло, в Далакаве — грек подпоручик Чекалов» (28). В 1866 г. на пожертвования горожан началось строительство церкви Св. Троицы (Братской). В числе строителей были Михайловы и Константиновы. В 30-е гг. ее разрушили.

В мае 1872 г. приступили к строительству Соборного храма. В документе отмечается: «В мае месяце настоящего года (1872) в присутствии Его Преосвященства Экзарха Грузии заложен Соборный храм во Владикавказе по плану и фасаду, утвержденному Его Императорским Величеством Великим князем, наместником». Каменная часть Соборного храма была выполнена 20 греческими мастерами во главе с Афанасием Зондовым.

Недалеко от Харлампиевского храма по улице Нальчикской располагалась греческая церковь Успения Божьей Матери, богослужение в ней велось на греческом языке. Церковь была построена в 1902 г. на собственные средства почетным гражданином Марандовым Панагиотом Евстафиевичем. Она просуществовала около тридцати лет и по решению властей СССР, как и многие другие церковные сооружения, была закрыта. Ее имущество было перенесено в Ильинскую церковь по ул. Дзержинского (29).

Греческие мастера возвели в Осетии около 40 церквей. Для истинного грека участие в делах церкви — это поступок, одухотворяющий человека и дающий ему душевную силу, поэтому они зачастую и жертвовали свои личные сбережения на строительство церковных зданий. Некоторые из них сохранились и поныне.

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИЯ

Долгое время Карачаево-Черкессия на правах автономной области входила в Ставропольский край. Греки, проживающие здесь, объединены общей историей со старожильческими селами Ставрополя.

В 1860-х гг. после окончания Кавказкой войны началось заселение Прикубанья, Ставрополя и прилегающих областей, греков-мигрантов стали направлять на Северный Кавказ. Греки были наслышаны о том, что российское правительство предоставляет земли и привилегии переселившимся на Кавказ, поэтому первые ходоки-греки появились в Ставропольской губернии в 1861—1863 гг. В 1861 г. Ставропольскую губернию покинули многие ногайские семьи. Степные просторы от горы Кинжал по направлению к Ставрополю, и до ногайцев не густо заселенные, значительно опустели. При правительстве Ставропольской губернии создается межевая комиссия для распределения земель. На основании работы, проведенной этой комиссией, Ставропольская Палата государственных имуществ распорядилась выделить под греческие поселения земли в степных районах от ногайского аула Канглы, на местах бывших аулов Нагут, Крымгирей и бывшей Султанской ставки (Султан). Ходоки-разведчики, ознакомившись с выделенными участками, выразили неудовольствие предложенными землями из-за отсутствия воды, леса и камня. Тем не менее, переселение греков началось.

На Кавказ хлынул большой поток греков из Трапезундского пашалыка. Греки переселялись транзитом через Грузию. Об этом сообщает газета «Кавказ» (№ 9 за 1864 г.), писавшая: «...число их (греков) доходило до 300 дымов по 9 душ каждый. Пришельцы нашли радушный прием у своих сородичей в Цалке, откуда они ранней весной (1864 г.) отправились в Ставропольскую губернию» (30). По ходу пути к потоку переселенцев присоединялось 23 семьи цалкинских греков. Осенью 1864 г. греки прибыли в Пятигорск и, согласно решению властей, были расселены первоначально по селениям Новоселицкой волости. Зимой 1864—1865 гг. греки заселились в село Султановское, а в 1868 г. продолжающие прибывать греки, основали село Ногутское.

Адаптация переселенцев к новым условиям проходила тяжело. Несмотря на предоставляемые правительством привилегии и пособия, греки сталкивались с большими сложностями с обустройством на новом месте. Возможно, выделенные пособия не в полном объеме доходили до переселенцев, как того требовало постановление комитета правительства по переселенцам. Греки, недовольные выбором земель, разочарованные в своих надеждах получить большие и безвозмездные пособия со стороны правительства, апатично и равнодушно относились к своему устройству на новом месте. На все заботы и беспокойства местного начальства о них они смотрели как на что-то должное. Поэтому они неохотно брались за какой бы то ни было труд, хотя бы этот труд был им на пользу. Часто требовались самые энергичные меры со стороны начальства, чтобы заставить их заготавливать себе топливо, строить землянки и производить другие столь же необходимые для них самих работы. Местное начальство не совсем справедливо приписывало это влияние исключительно лености, празднолюбию и другим неблагоприятным свойствам греков. Последующие годы доказали, что греки далеко не ленивы.

Из 3500 чел., пришедших из турецкого Понта на Северный Кавказ осенью 1864 г. и основавших села Ногутское, Крымгиреевское, Султан на местах бывших ногайских поселений, за полгода смерть унесла жизни третьей части населения, т.е. около 1200 душ. За первые два года население этих сел сократилось наполовину — умерло около 1700 чел. К 1867 г. число греков Ставропольской губернии составляло около тысячи человек (31).

Многие из переселенцев неоднократно проявляли всеобщее желание возвратиться в Турцию. Неопределенное и тревожное состояние греческого населения вынуждало то заявлять о своем желании уйти, то отказываться от заявлений; многие из тех, которые, наконец, ушли, вскоре снова вернулись обратно. В то же время многие греки вздумали переселиться в Кубанскую область, на реку Хасаут. Из Ногута Пятигорского уезда 8 марта 1869 г. в нагорную полосу Кубанской области переехало 22 семейства греков. Образовавшееся село Хасаут-Греческое вошло в состав Баталпашинского отдела Кубанской области (ныне в составе Карачаево-Черкессии).

В селах Султановское и Ногутское вместе с греками по соседству жили русские крестьяне, выходцы из средних губерний России. Первоначально отношения двух общин складывались непросто.

«...Несходство характера, нравов, обычаев и мировоззрений двух различных по духу национальностей повлекло за собой частые ссоры и драки между членами общества. Предметами споров и раздора служила главным образом земля, а потом и разные другие обстоятельства: греки — народ восточный, обладая вспыльчивым и живым характером и имея постоянно при себе оружие (кинжалы и револьверы), особенно часто обижали русских, число которых вначале было невелико, они захватывали у них лучшие участки пахотной земли, пастбища, поместья, места водопоя и т.п. При ссорах и драках часто пускали в ход свое оружие, результатом чего были весьма нередкие случаи нанесения ран, а иногда и убийства. Возникали постоянные жалобы начальству и судбища, пока, наконец, у греков не было отобрано оружие» (32).

Сохранились сведения о жизни, быте и нравах греческих переселенцев сел: Ногутское, Крымгиреевское, Султанское того периода. Они приведены младшим чиновником особых поручений Греманом Лопатиным, который в августе—сентябре 1869 г. ездил в Пятигорский уезд с заданием. В результате им был написан «Очерк заселения свободных земель Пятигорского уезда». Вот его описание:

«Жилища греков, которые русские крестьяне справедливо называют лисьими норами, вырыты в земле, так что вы очень часто можете пройти по крыше подобной землянки, совершенно не замечая, что вы попираете ногами жилище человека. Узкая, круглая дыра, служащая окном, не пропускает достаточно света, чтобы различать сколько-нибудь ясно окружающие вас предметы, даже когда дверь в землянку отворена, впрочем, и эта дыра на зиму затыкается, так что, по-видимому, греки не чувствуют ни малейшей надобности в свете. Скот греков в течение зимы помещается вместе с ними в тех же землянках, в боковых отделениях, что, конечно, более способствует развитию животной теплоты, чем поддержанию опрятности, о которой, впрочем, никто не заботится.

Для того чтобы разный домашний скарб не погнил от сырости, составляющей, конечно, неизбежное условие подобных жилищ, гречанки, или, как их здесь называют — „гречки“ должны каждое утро выносить этот скарб для проветривания на свежий воздух. Поэтому всякое утро, зимою ли, летом ли, если только не идет дождь или снег, вы увидите матрасы, циновки и другую „хурду-мурду“, принадлежащую грекам, разложенной в более или менее живописном беспорядке, вокруг дыр, ведущих в их жилище. Белья греки не знают. Одежду свою, представляющую с первого взгляда какую-то кучку пестрых лохмотьев, они не переменяют и носят ее до тех пор, пока она совсем не свалится с плеч. Пища греков самая жалкая и невкусная, не столько по недостатку материалов, сколько по неумению готовить. Хлеб у них пресный, в форме лепешек или пышек, щи или похлебка тоже пресная, так как они не умеют варить квас, которым заправляют русские свои щи. Они просто кипятят в воде разную зелень, крупу и прочее, так что выходит какое-то „варево“, по выражению русских: кашу они переваривают до такой степени, что она выходит очень невкусной. Если есть молоко, варят молочную кашу. Летом едят по преимуществу лук, разную зелень и тому подобное „сырье“ в натуральном виде, т.е. никак не приготовленное.

Они рано выучились отказывать себе во всем, терпеть всяческие лишения для того только, чтобы иметь деньги, этот могущественный рычаг, способный освободить их от всяких несчастий, и от естественных бедствий, и от притеснения власти поддерживающей. Это вечное, насильственное самоотречение, вечная необходимость скрывать от посторонних глаз свой материальный достаток обратились мало-помалу в нравы, обычаи и привычки греков. Таким образом, грязный образ жизни, добровольное лишение себя всего, кроме самого необходимого для поддержания жизни, христарядничество, вечные жалобы на непокрытую бедность представляют в настоящее время исторически выработавшуюся, неотъемлемую характерную черту греков.

В домах греков мы можем видеть много больших медных сосудов особенной, характерной формы и разные другие вещи, удержавшиеся у них и не проданные ими, несмотря на бедственное положение их вскоре после прибытия. Из официальных дел видно, что даже в первую осень своего пребывания здесь у многих греков оказались средства для того, чтобы купить семян, обработать и засеять свои собственные запашки. Таким образом, тот ужасный вид самой вопиющей бедности, который поражает нас при первом въезде в греческие поселения, должен быть отнесен столько же к исторически сложившимся бытовым привычкам, сколько к действительной недостаточности материальных средств.

Молотят они досками, в которые вбито множество камушков. При таком способе молотбы получается пропасть половы и очень мало хорошей, цельной соломы, которая не только необходима для всевозможных хозяйственных поделок, но и составляет в этой безлесной и сухой местности единственное топливо. Муку они мелют на ручных мельницах (шеромил) вроде той рукоятки, которой вертел когда-то Самсон, ослепленный филистимлянами. Греки обрабатывают вовну, но не сеют льна, с обработкою и употреблением которого они совершенно не знакомы. Они не носят белья и вообще никаких полотняных изделий. Женщины их не умеют кроить и сшить простой рубашки, чем немало удивляли сначала русских баб. Им не известна тайна различных швов: их куртки и панталоны сшиты одним и тем же, чрезвычайно простым и грубым швом. Другие части одежды даже не шиты, а просто как-то наверхиваются, подтыкаются и привязываются.

Большая часть греков — хорошие каменщики. Только местные жители говорят, что за их работой надо присматривать, иначе они „фальшат“. В Тифлисской губернии, напротив того, греческие каменщики известны не только за искусных, но и за очень честных рабочих.

С точки зрения нравственности, религиозного и интеллектуального развития, греки также представляют свои особенности... Они соблюдают посты, но почти вовсе не знают праздников, даже Пасху они стали соблюдать с большей торжественностью только после довольно продолжительного сожительства с русскими. Они редко посещают свои молельни и при этих посещениях не выказывают особенно сильного благоговения и уважения к святыне; по крайней мере по рассказам местного начальства, они зачастую курят трубки в своих молельнях и разговаривают между собой довольно свободно. Многочисленность их священников зависит не столько от избытка религиозности, сколько от того, что в Турции они жили мелкими поселками, причем каждый поселок имел отдельного священника.

Что касается нравственных качеств греков, то мы находим здесь многие хорошие черты, заслуживающие упоминания. Судя по рассказам крестьян, между греками почти вовсе не слыхать воровства. Греки отличаются замечательной трезвостью; они почти вовсе не пьют водки, пьяниц, между ними совсем нет, да и вообще, едва ли кому случалось видеть пьяного грека. Государственный доход с питей сильно бы поуменьшился, если бы русские крестьяне походили в этом на своих греческих единоверцев.

Относительно трудолюбия греков показания разных сторон довольно сильно противоречат друг другу. В первое время по прибытии греков донесения управляющих ими чиновников постоянно наполнялись самыми горькими жалобами на „леность и праздноелюбие греков“. Но, с другой стороны, судя по тому, что я сам видел и что рассказывали мне живущие вместе с греками крестьяне, греки должны быть очень трудолюбивы. „И когда только эти греки спят! День и ночь режут их арбы; когда ни проснись ночью, всегда услышишь скрип греческих повозок“, — говорили мне крестьяне. „Когда бы ни шла гречанка, с нею всегда ее шерсть и веретено: как остановилась хоть на минуту, так и пошла сучить, то чулок вяжет“.

Но рядом с этими хорошими качествами в них нередко проявляются неблагоприятные черты, обусловленные долгим господством над ними насилия и притеснения: скрытность, хитрость, лживость, вечные жалобы на свое бедственное положение, нищенство; притворство и неизлечимая страсть к жалобам, ябедничеству и сутяжничеству. Гражданское развитие греков, весьма понятно, находится на очень низкой ступени.

Подобно русским мужикам они плохо понимают всю хитрую сложность нашей администрации и предпочитают отправлять депутатов со своими жалобами прямо к „самому наибольшему“, к царю или к великому князю. „Мы согласны слушаться только великого князя, — говорил мне греческий юзбаш, и когда я ему заметил было, что едва ли это возможно, то юзбаш сказал, что в таком случае можно присылать к ним от великого князя от времени до времени какое-нибудь доверенное лицо, своего человека“.

В своих отношениях к русским греки повторяют общеизвестное отношение расы менее цивилизованной, т.е. они мало-помалу поддаются влиянию русских. В своем образе жизни, орудиях, сельскохозяйственных приемах они начинают довольно за-

метно подражать своим русским односельчанам. Греки не представляют той умышленной отчужденности от всего русского, которую так постоянно и так сильно проявляют немцы-колонисты. В настоящее время при Султанском сельском правлении служит в десятниках мальчуган-грек, лет 13—14, который говорит по-русскому безукоризненно. Изменения, произведенные в быту греков под влиянием их русских односельчан, заметны при самом поверхностном наблюдении.

В уборке хлеба и сена они совершенно оставили свою прежнюю убыточную методику: хлеб они косят теперь на косу с грабельками, а сено уже не вяжут в снопы, а мечут в точно такие же стоги, как и русские. Они выпрашивают у крестьян рубашки и носят их с удовольствием. Некоторые „гречки“ пробовали учиться у русских баб кроить и шить такие рубахи сами. Русский хлеб и щи русского приготовления также чрезвычайно нравятся грекам, многие из них учились делать квас, чтобы потом заправлять им свое варево. Вообще чуть ли не в первый раз в течение всей своей истории русский крестьянин является здесь „цивилизатором“.

Но такое подчинение русскому влиянию в сфере умственной и экономической не мешает грекам... беспрерывно ссориться с ними (русскими), прибегая для решения своих бесконечных распрей попросту к самосуду и драке. Не имея возможности бороться против силы, греки не могли помешать поселению русских, но раздражение, произведенное на них этим поселением, осталось и проявляется в той придиричivosti, с которой они ухватываются за каждый частный случай недоумения, возникающего из-за пользования каким-нибудь клочком земли.

На основании тех же соображений греки решительно не хотят признавать границ между землями, принадлежащим различным селениям. Так, например, султанские греки запахали огромное пространство земли, принадлежащей крымгиреевским крестьянам, и не позволяют крымгиреевцам пахать на их же собственной земле.

Так как крымгиреевские мужики довольно терпеливо и покорно переносят такой насильственный захват их собственности и так как местному начальству порядочно-таки надоела бесконечная возня и хлопоты с греками, то греки продолжают поэтому беспрепятственно пользоваться богатыми угодьями, принадлежащими крымгиреевскому русскому селению... Русские крестьяне редко прибегают к суду. Во-первых, они почему-то вообразили себе, что русское начальство не может судить грека, потому что он турецкий подданный, во-вторых, и самое главное, разыскание виновного крайне затруднительно: греки не выдают отдельную личность; они требуют, чтобы каждый раз их судили всех, вследствие этого они являются перед сельским правлением в виде громадной толпы, с женами и детьми, и производят ужаснейший гвалт. Раз обвиненные греки стараются запутать дело и прибегают к бесконечным хитростям. Тот же грек, который очень порядочно объясняется по-русски, когда сам является жалобщиком, оказывается совершенно не знающим русского языка, когда обвиняют его самого. „Конечно, легко взвести что угодно на бедного человека, который ни слова не понимает по-русски“, — объясняет он через переводчика. „Я слеп и глух ко всему, что тут происходит, потому что ничего не понимаю из того, что вы тут толкуете. Конечно, трудно ли погубить бедного, ничего не знающего человека!“ — прибавляет он, продолжая разыгрывать „казанскую сироту“.

Поэтому нельзя не сказать, что русский крестьянин, терпеливый, выносливый, привычный к нашей администрации, а главное, не имеющий у себя в запасе никакой Турции, куда бы он мог уйти в случае недовольства своим положением, представ-

ляет собою колонизатора самого пригодного, самого удобного для заселения каких бы то ни было русских земель, а следовательно, и свободных земель Северного Кавказа» (33).

Постепенно быт греческих поселенцев стал налаживаться. А вот наблюдения другого исследователя, сделанные в конце XIX в.:

«Удивительно, какая резкая разница во всем между русским и греческим населением! Эти полудикари, пришедшие из Турции почти нищими, жившие сначала не иначе, как в землянках и саклях, эти „душегубы“, по выражению местных крестьян, в настоящее время представляют из себя самый мирный, трудолюбивый, трезвый, земледельческий элемент населения, в умственном и нравственном отношении значительно превосходящий своих русских односельчан. Трезвость греков примерная: пьяниц между ними совсем нет и пьяного грека на улице никогда нельзя встретить. Они пьют только дома и в особых случаях, как, например, на свадьбах и т.п., причем никаких безобразий в гуляющей компании не бывает. Воров между ними тоже нет. Судятся греки весьма редко. В супружеской жизни как мужа, так и жены отличаются примерною верностью друг другу, а отношение мужа к жене не оставляют желать ничего лучшего. Греки даже не понимают, как это можно бить свою жену и смеются над русскими, выражающими и доказывающими свою любовь к женам кулаками и плетью. Все греки имеют такие же домики, как у русских; хлеб, который прежде заменялся „чуреками“, теперь они пекут отлично; скот и домашнюю птицу содержат хорошо, отчего и продукты скотоводства и птицеводства у них получаются лучшего качества. Куриные яйца, которые на Кавказе вообще очень мелки, у греков ничем не отличаются от российских. Многие греки держат буйволов, дающих им молоко. Все греки и почти все гречанки более или менее чисто говорят по-русски» (34).

К концу XIX в. в селе Ногутское из 1400 дворов 200 принадлежали грекам, остальные русским. В селе Султановское из 1411 дворов 87 принадлежали грекам. Таким образом, две общины, русская и греческая, живя по соседству, составляли одно сельское общество. Несомненно, в этих условиях как греки, так и русские крестьяне перенимали друг у друга хозяйственные навыки, бытовые привычки и т.д. И чаще всего перенимающей стороной становились греки, так как по сравнению с русскими крестьянами более кардинально поменяли среду обитания, оказавшись в иноэтничном и инязыковом окружении.

Описывая быт греков-переселенцев в Ставропольской губернии, нельзя не отметить их тягу к образованию. Так, например, в селе Ногутское, несмотря на то, что греки являлись меньшинством, и ученики-греки в обеих министерских школах составляли половину общего числа школьников. Весной, как только начинались полевые работы, родители забирали большинство русских учеников из школы до следующей осени; греки же почти все посещали занятия до последнего дня.

В конце XIX в. греки обратились к начальству с просьбой о выделении дополнительных земель. В 1897 г. им дали землю в 12—15 км восточнее с. Ногутского, и они образовали село Греческое, а греки села Султановского в 20 км от него образовали село Дубовая Балка. В отличие от сел Ногутское и Султановское,

где они соседствовали с русскими крестьянами, в новых селах жили практически одни греки. По данным 1910 г., из 1354 жителей села Греческое 1316 чел. были греки (35). В 1918 г., после заключения Брестского мира, русские войска оставили Восточный Понт и Карсскую область, на территории которых проживало огромное количество греков. Десятки тысяч из них по известному маршруту через Тифлис и Владикавказ хлынули на Северный Кавказ. Греческие села Ставрополья приняли сотни семей беженцев. В 1923—1924 гг. в связи с перенаселенностью сел Ставрополья на севере Карачаево-Черкессии было образовано село Спарта. Греческие фамилии сел Дубовая Балка, Хасаут-Греческий и Греческое в массе встречаются в Спарте. Кроме того, в селе много выходцев из Карской области.

С конца 1920-х гг. в Ставрополье постепенно стали переселяться греки из внутренних районов Грузии, прежде всего из Цалкинского района. Однако этот процесс практически не затронул Карачаево-Черкессию. Здесь численность греков увеличивалась, в основном, за счет естественного прироста. В 1939 г. численность греков Карачаево-Черкессии составляла 1,5 тыс. чел. (36). В краю начался процесс урбанизации. Особенно пострадало от этого село Хасаут-Греческий, где греческое население сократилось практически вдвое. Греки переселялись, как в Черкесск, так и в соседние крупные станицы — Зеленчукскую и Кардоникскую. Сократилось население сел Дубовая Балка и Греческое. Из Спарты шло активное переселение в Ставрополь и Черкесск (37).

По данным Всероссийской переписи 2002 г., в настоящее время в Карачаево-Черкессии проживает 1349 грека (38), что в несколько раз меньше по сравнению с 1989 г., когда в республике проживало 1630 греков. Это сокращение численности населения связано с тем, что часть греков переехала в 90-х гг. в Грецию, а также на заработки в крупные города России.

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Греческая диаспора Кабардино-Балкарии сформировалась в 30-х годах XX в. из семей спасавшегося от репрессий греческого населения страны. В основном это были греки из Ставропольского края. По данным переписи 1920 г. в Кабардино-Балкарии проживало всего 15 греков (39). Постепенно их численность увеличивалась. В 1939 г. в Кабардино-Балкарии проживало уже около 100 греков (40). Позднее, в середине 50-х гг., к ним присоединились греки из Грузии и других республик Закавказья, получившие образование в высших учебных заведениях Кабардино-Балкарии и впоследствии оставшиеся здесь на постоянное место жительства.

Численность греков в Кабардино-Балкарии, по данным Всероссийской переписи России 2002 г., составляет 304 чел. (41). В последнее двадцатилетие греческое население Кабардино-Балкарии, как и в других субъектах РФ, сократилось, в 1989 г. их насчитывалось около 360 чел. (42). Однако такое уменьшение численности произошло в связи с переездом многих греков в большие города России, такие как Москва и Санкт-Петербург, в поисках финансового благополучия. Надо

отметить, что процент греков, переехавших в Грецию на постоянное место жительства, в Кабардино-Балкарии совсем невелик, по сведениям председателя греческого общества в Кабардино-Балкарии «Эллада», это около 10 чел. (43).

Таким образом, на сегодняшний момент греки представлены во всех трех интересующих нас республиках: в Северной Осетии—Алания, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Количество их соответственно составляет: 2332/304/1349 чел. (44). Несмотря на то что греческое население этих республик объединяет общность происхождения, они в большинстве своем являются потомками мигрантов из Малой Азии, однако каждая из этих региональных групп греков попали на территорию своего сегодняшнего проживания в составе разных переселенческих волн, имевших место на протяжении всего XIX — первой половины XX в. На территорию Северной Осетии первые греки прибыли в 20-х гг. XIX в. — это была вторая переселенческая волна понтийских греков. Греки Северной Осетии изначально расселились по преимуществу в городе Владикавказе, что повлияло на выбор их хозяйственной деятельности. Среди них были городские ремесленники: сапожники, кузнецы, пекари, цирюльники, каменщики, строители. Постепенно из их среды выделились крупные предприниматели и зажиточные купцы.

Греческая диаспора Кабардино-Балкарии в сравнении с Северной Осетией и Карачаево-Черкессией наиболее молодая и самая немногочисленная. Кабардино-Балкария, возможно, из-за принадлежности большинства ее граждан к мусульманскому вероисповеданию, а также в связи с тем что ее территория традиционно не лежала на пути переселенческих волн греков-понтийцев, не стала массовым прибежищем для большого числа греков. В связи с тем что первые греки появились здесь уже в XX в., и основной их процент поселился в столице республики — в городе Нальчик, их культура, затронутая процессами урбанизации, в массовом порядке протекавшими в городах СССР, практически не сохранила свои традиционные черты.

В Карачаево-Черкессию, долгое время состоявшую в составе Ставропольской губернии, греки прибыли в 60-х гг. XIX в., после Кавказской войны, в ходе заселения пустующих земель Северного Кавказа в результате ухода в Турцию кавказских народов. Греческое население Карачаево-Черкессии, в отличие от греков Владикавказа, занимались в основном сельским хозяйством и скотоводством. И так как в сравнении с Северной Осетией и Кабардино-Балкарией процент сельских жителей среди греков Карачаево-Черкессии больше, их культура более долгое время сохраняла традиционные черты и в меньшей степени подверглась влиянию урбанизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Широков О.С.* История греческого языка. — М., 1983. — С. 24—25.
- (2) Помимо этой этнической общности, греки России и сопредельных государств, обладая устойчивым этническим самосознанием, образуют еще пять этнических общностей:
— потомки греков, поселившихся в XVII—XIX вв. в городах и селах России и по побережьям Черного и Азовского морей. Ныне живут преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге и в других городах России и Украины и других стран — бывших респуб-

ликах СССР. Самоназвание — эллинос. Родной язык — новогреческий, в форме димитика. Очень сильно смешаны с русскими и в культурном отношении, и путем высокого процента смешанных браков;

— потомки старожильческого населения Крыма, выведенного из полуострова в 1779 г. и расселенного по северному побережью Азовского моря. Ныне живут в Донецкой области Украины, в городах Донецке, Мариуполе и других. Самоназвание — румеос. Говорят на диалектах мариупольской группы новогреческого языка и на крымско-татарском;

— потомки переселенцев из внутренних районов Турции в XIX в., сильно смешавшихся с другими православными жителями Турции. До недавнего времени жили компактно на Цалкинском нагорье в Центральной Грузии (ныне в подавляющем большинстве выселяются на Северный Кавказ). Самоназвание урум. Язык — анатолийский диалект турецкого языка;

— потомки греков-понтийцев, подвергшихся насильственному выселению из Крыма, с Северного Кавказа и Закавказья в Казахстан, Киргизию, Узбекистан. Населяют села и города этих стран;

— потомки греческих политэмигрантов — бойцов народно-освободительной армии Греции, эмигрировавших в 1949 г. (после поражения правительственных войск) в СССР. Живут в Ташкенте и других городах. Говорят на литературном новогреческом языке. Самоназвание — эллинос (*Иванова Ю.В.* Греки России и Украины. — СПб., 2004. — С. 8—9).

- (3) Там же. — С. 6—10.
- (4) *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии Османской империи XIX — начало XX века. — М., 1989. — С. 22.
- (5) *Рудянов Г.С.* Греческая диаспора на Северном Кавказе во второй половине XIX — начале XX века: Автореферат. — Ставрополь, 1998. — С. 10—11.
- (6) Национальная политика России. Кн. 1 // Материалы к серии «Народы и культуры». — Вып. 11. — М., 1992. — С. 270.
- (7) Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. — Тифлис. — Т. 7. — Док. 561. — С. 597.
- (8) *Тишков В.А.* Российский Кавказ. Книга для политиков. — М., 2007. — С. 48.
- (9) *Рудянов Г.С.* Греческая диаспора... — С. 14.
- (10) *Попов А.* Понтийские греки // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. — Вып. 2. — Краснодар, 2002. — С. 106.
- (11) *Иванова Ю.В.* Культурная общность — понтийцы // Понтийские греки. *Studia Pontosaucasica*. III. — Краснодар, 1997. — С. 8.
- (12) http://www.greek.ru/news/news_detail.php?ID=31749
- (13) *Потто В.А.* Кавказская война. — Ставрополь, 1994. — Т. 4. — С. 429—430.
- (14) Образование, быт и нравы греков Ставрополя. Материалы и документы 60—90-х гг. XIX века. — Пятигорск, 1998. — С. 100—103.
- (15) *Шахбазов В.А.* Греки Владикавказа. — Владикавказ, 2001. — С. 4—5.
- (16) Там же. — С. 10.
- (17) Кавказский календарь на 1886 г. — Тифлис, 1885. — С. 214.
- (18) Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Троицкого. — Т. LXVIII: Терская область. — СПб., 1905.
- (19) *Шахбазов В.А.* Греки Владикавказа. — С. 18—19.
- (20) Там же. — С. 19.
- (21) Там же. — С. 20.
- (22) Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. Сборник документов и материалов. — М., 2007.
- (23) *Шахбазов В.А.* Греки Владикавказа. — С. 135—136.

- (24) *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию». — М., 1995. — С. 192.
- (25) Полевые материалы экспедиции автора в Северную Осетию—Алания, август 2008 г. (информант: Д.Х. Папавиди, 1932 г.р.).
- (26) *Шахбазов В.А.* Греки Владикавказа. — С. 34.
- (27) Кавказский сборник. — Владикавказ, 1905. — С. 116; Из истории города Алагира. — Владикавказ, 1990. — С. 2.
- (28) *Шахбазов В.А.* Греки Владикавказа. — С. 58.
- (29) Там же. — С. 66—78.
- (30) Газета «Кавказ». — 1864. — № 9.
- (31) *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX—XX вв. — СПб., 1996. — С. 213.
- (32) *Твалчрелидзе А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. — Ставрополь, 1897. — С. 125—126.
- (33) *Лопатин Г.А.* Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Вып. 3. — Ставрополь, 1870. — С. 13—38.
- (34) *Твалчрелидзе А.* Ставропольская губерния... — С. 132—133.
- (35) Справочник по Ставропольской епархии. Ставропольская губерния и Кубанская область (обзор городов, сел, станиц и хуторов). — Екатеринодар, 1910. — С. 179, 207.
- (36) *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа... — С. 209.
- (37) *Дмитриев К.Г.* Греки Ставрополя и Карачаево-Черкессии (история и современность) // Понтийские греки *Studia Pontocausasica*. — Вып. III. — Краснодар, 1997. — С. 177.
- (38) <http://www.perepis2002.ru>
- (39) Статистический справочник по Северокавказскому краю. — Ростов-на-Дону, 1926. — С. 26.
- (40) *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа... — С. 209.
- (41) <http://www.perepis2002.ru>
- (42) http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=47
- (43) Полевые материалы экспедиции автора в Кабардино-Балкарию, август 2008 г. (информант: С.Г. Боготуров).
- (44) <http://www.perepis2002.ru>

SETTLEMENT OF THE GREEKS IN THE NORTH CAUCASUS

A.V. Kokaeva

Department of Caucasus
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, Russia, 119991

This article examines the history of Greek migration from the Ottoman-held Pontos in the limits of imperial Russia and the formation of Greek Diaspora of the North Caucasus at the end of XVIIth — beginning of XXth centuries. The paper discusses the circumstances under which the Pontic Greeks had settled in their new homes, their effort to adapt to a new place, maintain their national identity and finally form a significant center of the Greek culture in the North Caucasus.

Key words: Greeks, Greek migrations, Diaspora, Turkey, North Caucasus.